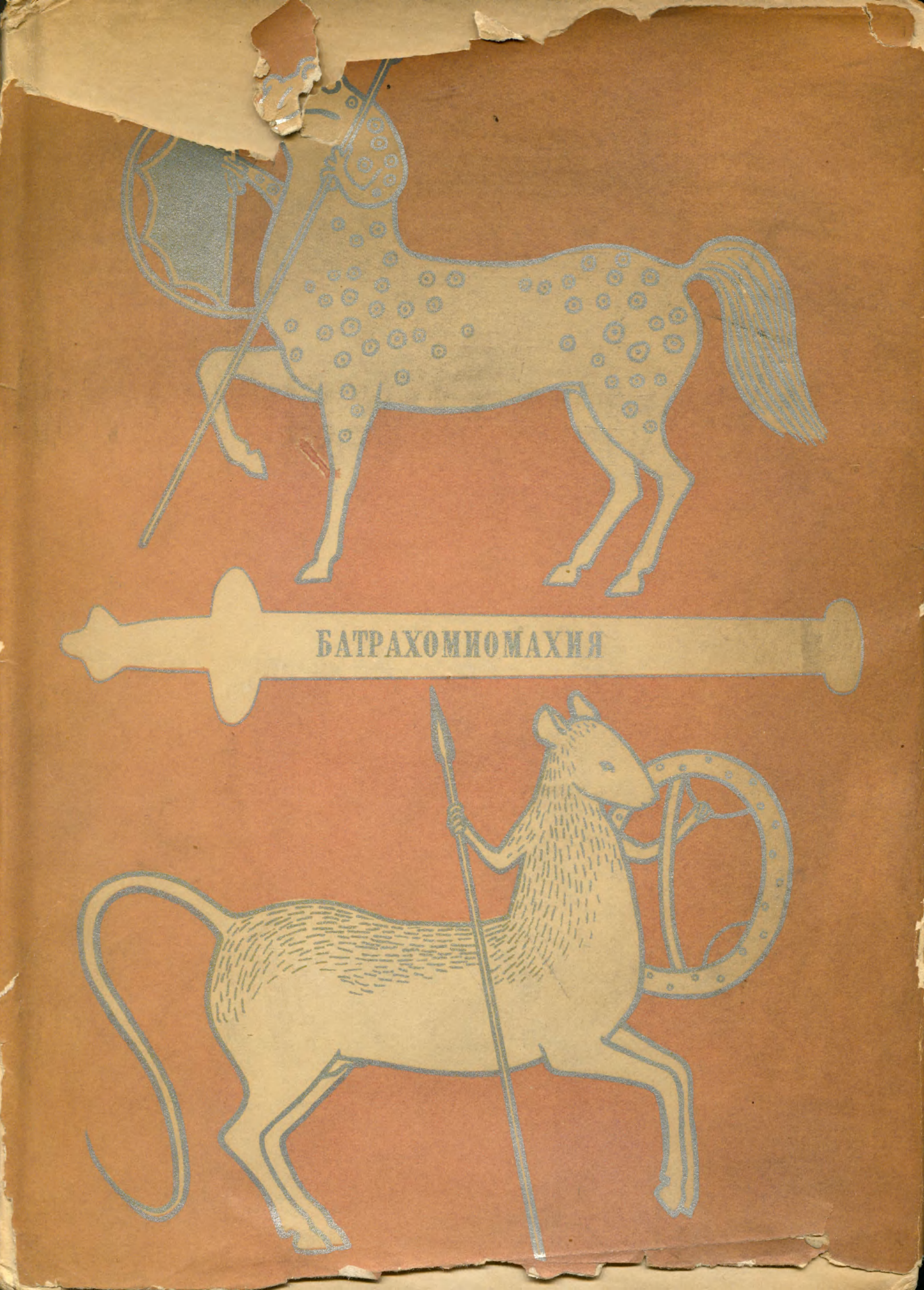

БАТРАХОМИОМАХИЯ

Вышли из печати:

ЭСХИЛ

Прикованный Прометей

ГОМЕР

Илиада

ГОМЕР

Одиссея

Выходят из печати:

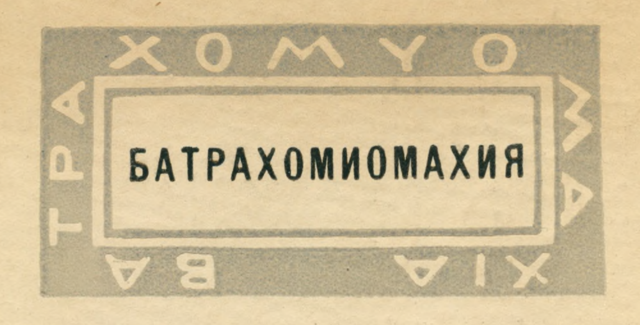
Речи и обращения полководцев Греции и Рима к своим войскам

Готовится к печати:

ЮВЕНАЛ

Сатиры

Цена Р. 3.50

БАТРАХОМИОМАХИЯ

A C A D E M I A

ACADEMIA

ΒΑΤΡΑΧΟΜΥΟΜΑΧΙΑ

Иллюстрация А. И. Порет
Переплет и суперобложка
по ее же рисункам

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
под общей редакцией
Д. А. ГОРБОВА и В. О. НИЛЕНДЕРА

БАТРАХОМИОМАХИЯ

ACADEMIA
Москва — Ленинград

ВОЙНА МЫШЕЙ и ЛЯГУШЕК

(БАТРАХОМИОМАХИЯ)

Перевод с древнегреческого,
вводная статья
и комментарии
М. С. АЛЬТМАНА

ACADEMIA
1936

ВОИНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

Век миновал эпических поэм.
М. Лермонтов

Фабула «Батрахомиомахии» весьма несложна. Мышонок Крохобор, только что спасшийся от зубов ласки, бежит к болоту напиться. Здесь он встречается с царем лягушек Вздуломордой и вступает с ним в разговор. Лягушка приглашает мышь к себе во дворец, обещая перевезти ее туда через болото на собственной спине. Мышь соглашается, садится на спину лягушки, и они отправляются. Необычность путешествия вначале восхищает мышь, но радость ее непродолжительна. Внезапно появляется гидра. Испуганный лягушонок спускается на дно, бросив на произвол судьбы беспомощную мышь. Мышь тонет, призывая перед смертью месть богов на виновника своей гибели. Месть не замедляет. Видевшая все это с берега мышь Блюдолиз возвещает мышиному племени о злополучном конце Крохобора и коварстве Вздуломорды. Созывается мышиная сходка, на которой решено итти войной на лягушек. Мыши вооружаются. Оповещенные об этом лягушки вооружаются с своей стороны. Боги на Олимпе, наблюдая происходящие на земле волнения, встревожены, но Афина Паллада советует не вмешиваться в войну, и боги остаются лишь ее зрителями. Война между тем разгорается; мышиные и лягушечьи герои совершают замечательные боевые подвиги, победа склоняется то на ту, то на другую сторону, пока, наконец, храбрейший мышиный витязь Блюдоцап не обращает лягушек в бегство, угрожая истребить все их племя. Тут вмешивается Зевс; он хочет послать на подмогу лягушкам Афину или Арея. Но Арей считает, что это ему не под силу. Зевс хватается за свои перуны, но перед натиском мышей

оказываются бессильными и они. Тогда Зевс посылает на мышей новых врагов — морских раков. Раки, наконец, обращают мышей в бегство, и бой к концу дня угасает.

Такова фабула «Батрахомиомахии», элементарная простота которой находится в полном контрасте со сложной и пышной формой, в которую облечен ничтожный сюжет. По форме «Батрахомиомахия» — поэма, и не просто поэма, а эпико-героическая — наподобие «Илиады» и «Одиссеи». От этих высоких образцов она заимствовала все свои внешние атрибуты и формальные особенности. Она написана в стихах, торжественнейшим из размеров — так называемым героическим гекзаметром. * Имена бойцов и их родословные, высокопарные речи действующих лиц, вмешательство богов, воззвание певца к музам, мифологические реминисценции, пространные описания боевых эпизодов и, наконец, лексика памятника, его словарный материал (стандартные эпические формулы) — все должно было дать читателю иллюзию, что он имеет дело как бы с одной из поэм Гомера.

При этом гомеровское облачение поэмы не было со стороны автора «Батрахомиомахии» какой-либо мистификацией; это диктовалось ему самой задачей поэмы — задачей, состоявшей в том, чтобы резким контрастом формы и содержания вызвать бóльший комический эффект; прием — обычный для литературных пародистов всех времен. Но внешнее сходство между пародией и пародируемым образцом в данном случае было столь велико, что дало повод на протяжении ряда веков приписывать поэму самому Гомеру. Это, разумеется, неверно. Ибо, если со времени Вольфа (1795 г.) даже для «Илиады» и «Одиссеи» авторство Гомера взято под сомнение и само имя Гомера стало только условным обозначением, то тем более имя это не может быть приложено к «Батрахомиомахии». Даже если, стоя на крайне-унитаристической точке зрения, допустить, что Гомер — конкретное историческое лицо, единый автор или редактор «Илиады» и «Одиссеи», то и тогда пародист этих поэм все же не может быть идентичен с этим «Гомером». И не только потому, что автор «Войны» оказался бы пародистом на самого себя (такие случаи, хотя и немногочисленные, в истории мировой литературы известны), но и потому, что некоторые данные, заключающиеся в самой «Батрахомиомахии», явно выдают ее более позднее происхождение. Так, уже в самом начале нашего

* Шестистопный дактиль с цезурой, преимущественно на третьей стопе, по схеме: ⏒́ ⏑ ⏑ | ⏒́ ⏑ ⏑ | ⏒́ ⏑ || ⏑ | ⏒́ ⏑ ⏑ | ⏒́ ⏑ ⏑ | ⏒́ ⏑.

памятника мы находим указание на то, что автор свою поэму *писал* (ст. 3), а письменность эпосу Гомера, как известно, совершенно чужда. * Не соответствует времени гомеровского эпоса и имеющееся в пародии упоминание о петухе (ст. 192), который в Греции появился не раньше VI века до н. э. ** Уже эти два признака сами по себе были бы решающими, но о более позднем времени «Батрахомиомахии» говорит и то, что наш памятник предполагает пародируемый им эпос уже широко известным, больше того — успевшим до некоторой степени даже приесться, так что от эпоса Гомера до возникновения пародии на него должно было пройти некоторое время. Поэтому приписывать «Батрахомиомахию» Гомеру невозможно, и в настоящее время ни один исследователь этого памятника авторство Гомера не отстаивает. Теперь упоминание о Гомере при анализе «Батрахомиомахии» служит лишь трамплином, от которого исследователи только отталкиваются, однако, по нашему мнению, подчас слишком далеко. Так, например, некоторые исследователи относят этот памятник ко времени Александра Македонского, *** а другие идут еще дальше, датируя его третьим веком до нашей эры.

Эти поздние датировки представляются нам сомнительными. Возможно, конечно, допустить, что на ряду с усиленным интересом к гомеровскому эпосу со стороны александрийских поэтов и ученых, выразившимся, между прочим, и в критическом изучении эпоса Гомера александрийскими грамматиками, этими первыми специалистами-гомероведами, имела место одновременно и реакция обратного порядка. Однако эта реакция должна была иметь мишенью не столько самого Гомера, сколько его чрезмерно кропотливых толкователей и комментаторов, а о них нет ни малейшего намека в нашей поэме. Трудно допустить, чтоб в александрийской поэме, пародирующей Гомера, не были задеты, хотя бы невзначай, современные поэме гомеровские комментаторы. Кроме того, эллинистическая поэзия во всех своих жанрах выявляется как поэзия «ученая», блещущая эрудицией, особенно в области мифологии, — в «Батрахомиомахии» же подобной александрийской учености мы не находим никакого следа; напротив, поэма поражает нас свежестью и непосредственностью, в сравнении с александрийской поэзией она кажется молодой и наивной. И если, с одной сто-

* Единственное упоминание о письменности в «Илиаде» (VI, 168—170) признается большинством исследователей Гомера позднейшей вставкой.

** См. Ген, Культурные растения и домашние животные.

*** См., например, Herwerden, Mnemosina, X, 163.

роны, «Батрахомиомахия», вне всякого сомнения, не является хронологической ровесницей «Илиады» и «Одиссеи», то, с другой стороны, весьма сомнительно, чтобы она могла быть ровесницей литературных произведений александрийских эпигонов.

Наиболее вероятным мы считаем датировку, которой придерживается большинство современных исследователей, а именно — эпоху греко-персидских войн (первая четверть V века до н. э.). * Приурочение нашего памятника к этой эпохе бросает на него новый свет. На фоне этих еще всем памятных войн, в которых решалась вся судьба Греции, «Война мышей и лягушек» приобретает характер гораздо более значительный, чем литературная пародия: она становится *историческим памфлетом.* С этой хронологией хорошо согласуется и античная традиция, сообщаемая нам Плутархом, по которой автором «Батрахомиомахии» был некий Пигрет, брат или сын Артемизии, ** той самой Артемизии из Галикарнаса, которая в битве при Саламине сражалась с флотом на стороне персов. Это обстоятельство нужно особенно отметить. Античная традиция приписывает «Батрахомиомахию» лицу, которое, хотя и было эллином, но менее всего эллинским патриотом. Только такое лицо и могло дать на греческом языке произведение, так насмешливо трактующее греко-персидские войны. При том ореоле, каким в Афинах были наделены марафонские и саламинские воины, трудно допустить, чтоб афинянин решился трактовать их как мышей или лягушек. Но так вполне мог трактовать их тот, кто, будучи эллином, воевал против эллинов. Отсутствие других, решающей достоверности, свидетельств не позволяет нам остановиться на указанном Плутархом лице как на бесспорном; но во всяком случае это указание ориентирует нас в наиболее правильном направлении, тем более, что и другие данные хорошо согласуются с хронологией Плутарха. Петух, который так некстати запел в «гомеровской» «Батрахомиомахии» (см. выше), вполне уместен при датировке нашего памятника временем похода Ксеркса: именно в это время петух появился в Греции, и как раз оттуда, откуда пришел и сам Ксеркс: из Персии. Никаких недоумений не вызывает при этом и указание автора поэмы, что он ее *написал:* в это время

* См., например, W. Christ, Geschichte der griechischen Literatur (1889), § 57.

** Плутарх, Злонравие Геродота, § 43. На Пигрета как на автора «Войны мышей и лягушек» указывает и лексикограф Свид, который хотя сам был поздним автором (X век н. э.), но имел в своем распоряжении древние источники до нас не дошедшие.

он уже мог сделать это. За эту хронологию говорит, наконец, и то, что сочетание в одном произведении литературной пародии (на гомеровский эпос) и исторического памфлета (на греко-персидские войны) могло быть наиболее действенным именно в начале V века до н. э.: только сравнительно незадолго до этого, во второй половине VI века, эпические тексты были заново упорядочены и канонизированы государством, * а греко-персидские войны были еще в памяти у всех. Поэмы Гомера и память о греко-персидских войнах были в это время не только героическими преданиями, но и актуальными проблемами, и выступление против них, смелая переоценка только что канонизированных ценностей, были не невинной литературной забавой, но актом социального мужества.

Хотя, за отсутствием свидетельств, мы не располагаем никакими сведениями о воззрениях автора «Войны», однако до некоторой степени мы можем заключить о них из самого произведения. Против кого, собственно, направлена пародия Пигрета (будем условно называть нашего автора так)? Против Гомера, отвечают обычно. Но какого Гомера? Того ли, который уже в первой песне «Илиады» со смехом рассказывает о том, как бессмертные ссорятся между собой не хуже любого смертного?** Того ли, который рисует нам более чем соблазнительную сцену, как Афродита, пользуясь отсутствием мужа, изменяет ему с Ареем и как Гефест застигает их на месте преступления и призывает всех богов в свидетели прелюбодеяния своей жены?*** Словом, того ли Гомера, которого уже сама древность упрекала в кощунстве над богами? Нет, с *этим* Гомером наш автор менее всего не в ладу. Он против другого Гомера, — прилаженного и приглаженного, в значительной степени даже фальсифицированного, **** который в древности был приспособлен столь же искусно ad usum tyranni, как в новое время ad usum dophini. ***** Вот против *этого* Гомера, певца богов и «боже-

* Мы имеем в виду тот свод «Илиады» и «Одиссеи», который был произведен в Афинах при Пизистрате (550—527 до н. э.).

** «Илиада», I, 540—594.

*** «Одиссея», VIII, 266—360. Известный гомеровед Кауер очень тонко подметил, что уже в «Одиссее» мы имеем ряд мест, явно пародийных по отношению к «Илиаде» (Cauer, Grundfragen der Homerkritik, Leipzig, 1909, S. 421).

**** Современное гомероведение установило целый ряд мест в «Илиаде» и «Одиссее», вставленных при Пизистрате; знала об этих вставках и сама античность.

***** Чтобы не ходить за далекими примерами, напомним о том, как «осмысляет» Гомера наш лучший переводчик «Илиады» — Гнедич. Посвящая свой перевод Николаю I, он в посвящении считает необходимым указать, что «Гомер —

ственных» базилевсов, наш автор действительно ополчается, *этого* Гомера он подлинно пародирует, и пародирует с исключительным искусством и тактом. Чуть заметным звуковым сдвигом, легчайшим и как бы нечаянным изменением имени героя обращает он «богоравных» в твареподобных, величайшего гомеровского героя Пелида (Ахилла) смешивает с «болотом», обращая его в Грязнóго. * Наподобие Гомера Пигрет вкладывает в уста своих «героев» их родословные, но эти родословные свидетельствуют, что их обладатели — вполне достойные потомки своих вороватых и разбойничьих предков. Автор «Войны мышей и лягушек» развенчивает так называемую *героическую* войну, показывает нам все ничтожество, всю мелочность и алчность Хлебохватов, Сластолизов, Блюдоцапов.

Трудно раскрыть намеки в произведении, которое отделено от нас двумя с половиной тысячами лет, но не лишено вероятия, что в свое время под каждой отдельно характеризованной мышью или лягушкой скрывалось определенное лицо. ** Это, однако, не мешало тому, чтобы звериные маски, созданные автором «Войны», оказались столь типичными и характерными, что ими, при соответствующих ситуациях, можно было пользоваться много веков спустя после того, как они возникли. Так, могли ими пользоваться уже в самой античности; сослужив свою службу при греко-персидских войнах, «мыши» и «лягушки» могли вновь очень скоро пригодиться при Пелопонесской войне: и на этот раз афиняне, как представители морской державы, могли быть уподоблены лягушкам, а «сухопутные» спартанцы — мышам.

Острие «Войны» направлено не только против «божественных» героев, но и против самих богов. «Война мышей и лягушек» есть одновременно война ее творца против всех и всяческих богов, которых он разит страшнейшим из орудий — смехом. ***Гомерический*** смех, которым в эпосе Гомера наделены «вечносмеющиеся» олимпийцы, здесь направлен против них самих. В самом деле, что мо-

проводник истин, оправданных тысячелетиями, бескорыстный защитник святости власти царственной и благодетельного единоначалия...»

* На греческом языке здесь игра слов, о значении которой см. примечание к ст. 19.

** Под мышами, вероятно, подразумевались персы: напомним, что, по сообщению Геродота (VIII, 133—135), главноначальник персидских сил Мордоний в качестве посла к оракулам выбрал человека по имени М ы ш ь. Под лягушками, видимо, разумелись эллины, главным образом — афиняне. «Лягушка» в качестве собственного имени афинянина засвидетельствована Лисием (6, 45, 12, 48). Уместно вспомнить здесь и «Лягушек» Аристофана, изобилующих множеством намеков на афинян.

жет быть, например, смешнее Афины, жалующейся на то, что мыши выпивают ее масло, съедают приносимый ей жертвенный жир, ощипывают посвященные ей венки и, в довершение всего, изгрызли ее — неутомимой ткачихи — плащ. Теперь, жалуется она, ее плащ весь в заплатах, а сама она вся в долгах. Это хуже, обиднее, чем сумерки богов, — такое их обнищание. Но автор этим не ограничивается; стрелы его насмешек продолжают сыпаться, и ни одна не бьет мимо. Осторожная Афина советует богам не вмешиваться в земные распри, так как «и богу не будет пощады»: тут уже не до жиру, не до прежних гомеровских жертвоприношений — быть бы живу. С ее советом соглашается весь сонм богов. Олимпийцы удаляются в безопасное место. Но и в отдалении они чувствуют себя не совсем спокойно. При появлении нового удальца в стане мышином Зевс начинает побаиваться, как бы его самого не прибили, и хочет послать в помощь лягушкам Афину или Арея. Но Арей, бог войны, предусмотрительно уклоняется; он советует Зевсу лучше прибегнуть к его испытанному оружию — громам небесным — и при этом, не без ядовитости, напоминает, что этими громами Зевс некогда покорял гигантов и титанов... От титанов до мышей — таков бесславный путь «отца богов и людей», такова эволюция отношения к богам от Гомера до его пародиста. Старые перуны Зевса теперь не пугают даже мышей, и раки оказываются более могущественными, чем весь сонм олимпийцев с верховным Зевсом во главе.

Более беспомощных, более детски смешных богов не знает мировая литература. В этом отношении автор «Войны мышей и лягушек» — первый представитель того атеистического направления в древнегреческой художественной литературе, одним из последних представителей которого был самый блестящий атеист древности, автор «Диалогов богов», античный Вольтер — Лукиан.

Но если Лукиан является поздним и отдаленным литературным потомком автора «Батрахомиомахии», то, исходя из принятой нами датировки памятника, его ближайшими литературными сородичами оказываются холиамбы («хромые ямбы») Гиппонакта * и басни Эзопа, литературная обработка которых датируется VI веком

* Гиппонакт — ионийский поэт, живший во второй половине VI века до н. э. Он первый видоизменил классический («Архиловский») шестистопный ямб, употребляя в последней стопе вместо ямба (◡ ‒́) спондей (‒́ ‒́). Стих от этой замены как бы начал «хромать» (отсюда и название «холиамбы» — хромые ямбы); это создавало неожиданный комический эффект; размером этим охотно пользовались в сатирах и пародиях.

до н. э.* Пигрет в отношении к гекзаметрам исполняет ту же литературную функцию, какую в отношении к ямбам исполняет Гиппонакт. Оба действуют одним и тем же оружием: один — против Гомера, другой — против Архилоха. Скудость сохранившихся отрывков из Гиппонакта не дает возможности проследить, как далеко простирается близость пародистов, но родство обоих «забавных жанров» вне сомнения.**

Еще более близким литературным сородичем нашего памятника является античная басня. В сущности говоря, и по фабуле своей и по действующим в ней животным персонажам «Война мышей и лягушек» может быть вполне отнесена к басням. Роднит ее с басней и общее литературное происхождение — животный эпос. О связи басен о животных с животным эпосом распространяться не приходится; но «Война мышей и лягушек» должна была иметь в животном эпосе свою «предисторию». Мы говорим «предисторию», а не историю, потому, что в самой греческой литературе мы не имеем достаточной древности памятника животного эпоса, хотя следы его существования и в устном фольклоре и в письменных памятниках весьма многочисленны. Не мало следов животного эпоса и в эпосе героическом. Специалисты-гомероведы уже давно обратили внимание на то, что огромное большинство сравнений в «Илиаде» и «Одиссее» почерпнуто из животного царства: уподобление боевых схваток героев схваткам животных, а самих героев диким зверям и домашним животным — самый обычный изобразительный прием в гомеровской поэтике. Уже вследствие столь частых уподоблений в гомеровском эпосе *героев животным* в пародии на этот эпос должно было возникнуть обратное соотношение: уподобление *животных героям*. Это тем более напрашивалось, что гомеровские сравнения весьма часто представляют собой совершенно законченные маленькие повествования, подлинные отрывки животного эпоса. Мы могли бы иллюстрировать это многочисленными примерами как из «Илиады», так и из «Одиссеи», но ограничимся хотя

* Зачатки античной басни существовали задолго до VI века. Уже у Гезиода они имеются в довольно развитом виде; но в качестве особенного литературного жанра они должны быть датированы VI веком до н. э. Хотя греческие басни связываются с именем Эзопа (VI век до н. э.), но Эзоп, вероятнее всего, был только их искусным рассказчиком, может быть, собирателем; творцом его не считала сама античность.

** По свидетельству древних писателей Гиппонакт пользовался для комических повествований не только ямбами, но и эпическими размерами.

бы одним наиболее характерным: в начале третьей песни «Илиады» шумно готовящиеся к бою троянцы характеризуются следующим сравнением:

От журавлей в поднебесьи подобные крики бывают,
Если они, от земли и дождей проливных убегая,
Над океаном бурливым проносятся с шумом великим,
Роду пигмеев погибель с собой принося и убийство,
В ранние сумерки с ними вступая в жестокую битву... *

Какой архаической древностью веет от этих строк! Не будь эти стихи в контексте «Илиады», мы приняли бы их за часть какого-нибудь памятника животного эпоса, — за отрывок из «Войны журавлей и пигмеев». Таковым этот отрывок, по существу, и является: из какой же иной сокровищницы, как не из животного эпоса, мог греческий эпос черпать подобные уподобления и сравнения? Много было, говорит Гораций, героев до Агамемнона. Много было героев-зверей, героев-животных до героев-людей, — должны мы сказать. Ценность «Батрахомиомахии» заключается, между прочим, и в том, что она сохранила нам (хотя и в сравнительно поздней литературной обработке), но уже не в отрывках (как это находим в героическом эпосе), а в цельном и законченном виде, древнейший греческий памятник животного эпоса.

Итак, с какой стороны мы ни подходим к «Войне мышей и лягушек», она выявляется перед нами как памятник исключительной ценности: *это — первая европейская литературная пародия, это — один из самых ранних исторических памфлетов, это — первое в греческой литературе атеистическое произведение и, наконец, это — один из древнейших памятников животного эпоса.*

Если мы к этому добавим, что, помимо своей историко-литературной ценности, «Война мышей и лягушек», написанная легко и весело, по простоте своего сюжета доступная всем возрастам, не лишена значения и в чисто литературном отношении, являясь произведением вполне художественно законченным, станет понятно, почему эта маленькая (всего в 300 стихов**) греческая поэма вызвала такой громкий мировой резонанс, почему на протяжении двух с половиной тысяч лет пользуется она у всех народов столь большой популярностью. Даже и в самые глухие века средневековья эта поэма не была забыта, а начиная с эпохи Возрождения вплоть

* «Илиада», III, 3 — 7, перев. Н. М. Минского.

** Может быть, и еще меньше, так как ряд стихов мы находим не во всех списках и они считаются некоторыми исследователями позднейшими вставками; в тексте эти стихи заключены в квадратные скобки.

до наших дней научные и популярные ее издания не прекращаются. Она переведена на все европейские языки и насчитывает сотни переложений и подражаний. Ее специальный исследователь, филолог Баумейстер, уже к середине прошлого столетия мог насчитать больше шестидесяти ученых, занимавшихся ею. * Число это к настоящему времени еще более увеличилось.

На русском языке также имеется несколько переводов и переложений этой античной поэмы, но ни один из них не может быть признан достойным оригинала. Вероятно, в этом причина, почему не они, а шуточная сказка Жуковского «Война мышей и лягушек» пользуется у нас до сих пор наибольшей популярностью, причем ее нередко принимают если не за перевод, то за переложение греческой поэмы, каковому недоразумению способствует и то, что и «Одиссея» Гомера известна русскому массовому читателю, главным образом, по переводу Жуковского. Между тем сказка Жуковского кроме своего наименования ничего общего с древним памятником не имеет. Даже сюжеты их полностью не совпадают: в повествование Жуковского вставлены басни «Лев и мышонок», «Кот, петух и мышонок» и сказка «Как мыши кота хоронили»; обо всем этом в античной поэме нет и помину. Кроме того, Жуковский модернизировал и руссифицировал свою сказку, придав действующим в ней персонажам «новые» имена и живописуя их в тонах феодально-помещичьего быта. Сказка Жуковского, таким образом, есть в лучшем случае только новая (и очень вольная) вариация на старую поэму и, небезинтересная для характеристики самого Жуковского, не дает никакого представления об античном образце. Весьма слабое представление о нем дают и существующие русские переводы, ** одни — неудовлетворительные еще в ту пору, когда они появились, другие — к настоящему времени уже устаревшие.

И мы полагаем, что в наши дни, когда все более и более широкие массы нашей страны приобщаются к мировому культурному наследию, новое издание древнейшего памятника — первой европейской литературной пародии — является делом своевременным и имеет все права на общественное внимание.

М. Альтман

* Baumeister, Prolegomena critica ad Batrachomyomachiam» (1852).

** Подробнее об этом см. в прилагаемом к настоящему изданию «Обзоре русских переводов «Войны мышей и лягушек».

ВОЙНА
МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК

К первой строке приступая, я муз хоровод с Геликона
Сердце мое вдохновить умоляю на новую песню, —
С писчей доской на коленях ее сочинил я недавно, —
Песню о брани безмерной, неистовом деле Арея.
Я умоляю, да чуткие уши всех смертных услышат,
Как, на лягушек напавши с воинственной доблестью, мыши
В подвигах уподоблялись землею рожденным гигантам.
Дело, согласно сказанью, начало имело такое.

Раз как-то мучимый жаждою, только что спасшись от кошки,
Вытянув жадную мордочку, в ближнем болоте мышонок
Сладкой водой упивался, — его на беду вдруг увидел
Житель болота болтливый и с речью к нему обратился:
«Странник, ты кто? Из какого ты роду? И прибыл откуда?
Всю ты мне правду поведай, да лживым тебя не признаю.
Если окажешься дружбы достойным, сведу тебя в дом свой
И, как любезного гостя, дарами почту тароватo.
Сам я прославленный царь Вздуломорда, и здесь на болоте
Искони всепочитаемый вождь и владыка лягушек.
Родом же я от Грязно́го, который с царевною Водной
На берегах Эридана в любви сочетался счастливо.
Впрочем и ты, полагаю, из роду не вовсе простого:
Может быть, царь скиптродержец и мощный в боях предводитель.
Ну, не таи же, открой мне скорее свой род именитый».
Тут на расспросы лягушки мышонок пространно ответил:
«Что ты о роде моем все пытаешь? Он всюду известен:

Людям, бессмертным богам и под небом витающим птицам.
Имя мое — Крохобор, я горжусь быть достойным потомком
Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой,
Ситолизуньи, любезнейшей дочки царя Мясоеда.
А родился в шалаше я и пищей обильной взлелеян:
Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью.
Дружба же вряд ли меж нами возможна: мы слишком несхожи.
Жизнь вся твоя на воде протекает, а мне вот, на суше,
Пища привычна людей, и меня на дозоре не минет:
Ни из красивоплетеной корзины калач белоснежный,
Ни с чечевичной начинкой пирог с творогом многослойный,
Ни окровавленный окорок, ни с белым жиром печенка,
Ни простокваша, ни сыр молодой, ни парна́я сметана,
Ни пирожочки медовые, — их же вкушают и боги, —
Словом, ничто из того, что к пирам повара припасают,
Вкусно приправами всякими пищу людей услащая.
[Не убегал никогда я с опасного поля сраженья,
Первому следуя зову, я в первых рядах подвизаюсь.
Даже его не страшусь, человека с огромнейшим телом:
Смело на ложе взобравшись, цепляюсь за кончики пальцев
Или пяту ухвачу, и хоть боль до людей не доходит,
Скованный сном человек моего не избегнет укуса.
Но, признаюсь, опасаюсь и я двух чудовищ на свете:
Ястреба в небе и кошки, — великое с ними мне горе, —
Также и скорбной ловушки, где рок затаился коварный.
Эти напасти — все страшные, наистрашнейшая — кошка:
Даже к зарытым в норе норовит она ловко пробраться.]
Редьки же грызть я не склонен, ни толстой капусты, ни тыквы,
И не питаюсь ни луком зловоннейшим, ни сельдереем, —
Яства отменные, впрочем, для тех, кто живет у болота...»
На Крохобора слова Вздуломорда со смехом ответил:
«Что ты, о друг, все о брюхе толкуешь? Поверь мне, немало
Есть и у нас, на воде и на суше, чему подивиться.
Жизнь нам, лягушкам, завидно-двойную назначил Кронион:
Можем мы прыгать по суше, можем плясать под водою,

И обитаем в жилищах, обеим стихиям открытых.
Если желаешь, ты можешь и сам в том легко убедиться:
На спину только мне прыгни, держись, понадежней усевшись,
А уже я тебя с радостью в самый свой дом переправлю».
Так убеждал он и спину подставил, и тотчас мышонок,
Лапками мягкую шейку обняв, на лягушку забрался.
Был он вначале доволен: поблизости виделась пристань,
Плыл на чужой он спине с наслажденьем... Но, как внезапно
Буйной хлеснуло волною в него, проклиная затею,
Жалобно тут завопил он, стал волосы рвать и метаться,
Горестно лапки под брюхом ломать, а трусливое сердце
Билось неистово и порывалось на берег желанный.
От леденящего страха стенаньями глушь оглашая,
Правит меж тем он подвижным хвостом, как послушным кормилом,
И умоляет богов привести его на берег целым.
Так, чем он более тонет, тем стонет безудержней, громче,
И, наконец, исторгает из уст своих слово такое:
«Верно, не так увозил на хребте свою милую ношу
Вол, что по волнам провел до далекого Крита Европу,
Как, свою спину подставивши, в дом свой меня перевозит
Сей лягушонок, что мордой противною воду пятнает!
Вдруг над равниною водной, высокую вытянув шею, —
Вот уж где ужас обоим, — явилася грозная гидра.
Гидру увидев, нырнул Вздуломорда, о том и не вспомнив,
Гостя какого, коварный, на верную смерть обрекает.
Сам углубился в болото и гибели близкой избегнул,
Мышь же, опоры лишившись, немедленно навзничь упала,
Лапками лагодя влагу и жалобный писк испуская.
Часто ее заливала волна, но, живучая, снова
Наверх она выплывала... Однако судьбы не избегнешь...
Шерстка намокшая с большей все тяжестью книзу тянула,
И, уж волной заливаем, пред смертью промолвил мышонок:
«Ты, Вздуломорда, не думай, что скроешь коварством проступок:
Как со скалы потерпевшего в море кораблекрушенье,
С тела меня ты низвергнул... В открытой борьбе или беге

Не превзошел бы меня ты на суше. Так наглым обманом
В воду меня заманил... Но всевидящий бог покарает!
[Грозного не избежишь ты возмездья от рати мышиной]».
Так он сказал и свой дух на воде испустил. Но случайно
Это узрел Блюдолиз, на крутом побережьи сидевший.
С писком ужасным пустился он весть сообщить всем мышатам.
Эти же, новость проведав, вспылали ужаснейшим гневом
И повелели глашатаям громко прокликать, чтоб утром
Прибыли все на собранье в палаты царя Хлебогрыза,
Старца-отца Крохобора, которого труп по болоту
Выплывший жалко носился, — не к брегу родному, однако,
Нет, уносился, несчастный, в открытого моря пучину.
Спешно, с зарей, все явились, и первым в собраньи поднялся
Скорбью по сыну томимый отец Хлебогрыз и промолвил:
«Други, хотя и один я теперь претерпел от лягушек,
Лютая может беда приключиться внезапно со всяким.
Жалкий, несчастный родитель, троих сыновей я лишился:
Первого сына сгубила, свирепо похитив из норки,
Нашему роду враждебная, неукротимая кошка.
Сына второго жестокие люди на смерть натолкнули,
С необычайным искусством из дерева хитрость устроив,
Эту-то пагубу нашу ловушкой они называют.
Третий же сын, был и мой он любимец и матери нежной...
Ах, и его погубил Вздуломорда, сманивши в пучину.
Но ополчимся, друзья, и грянем в поход на лягушек,
Тело, как должно, свое облачив в боевые доспехи».
Речью такою он всех убедил за оружие взяться;
Их возбуждал и Арей, постоянный войны подстрекатель.
Прежде всего облекли они ноги и гибкие бедра,
Ловко для этого стручья зеленых бобов приспособив, —
Их же в течение ночи немало они понагрызли.
А с камышей прибережных сняв шкуру растерзанной кошки,
Мыши, ее разодравши, искусно сготовили латы.

Вместо щита был блестящий кружочек светильни, а иглы —
Всякою медью владеет Арей — им как копья служили.
Шлемом надежным для них оказалась скорлупка ореха.
Во всеоружьи таком на войну ополчились мышата.
Живо узнали про это лягушки и, вынырнув, тотчас
В место одно собрались и совет о войне учредили.
Только пошли пересуды, откуда и кто неприятель,
Вражий внезапно явился, жезлом потрясая, глашатай —
Творогоеда бесстрашного сын Горшколаз знаменитый.
Он, объявляя войну, к ним со словом таким обратился:
«Я от мышей к вам, лягушки, и послан я с вызовом грозным:
Вооружайтесь поспешно, готовьтесь к войне и сраженьям.
Ибо в воде увидали они Крохобора, в чьей смерти
Царь Вздуломорда повинен. Так будьте теперь все в ответе.
Тот же из вас, кто храбрее, на бой пусть скорее дерзает».
Так объявил им глашатай, и, грозное слово услышав,
Затрепетали сердца и у самых бесстрашных лягушек.
Но Вздуломорда, поднявшись, их речью такой успокоил:
«Други, не я убивал Крохобора и даже не видел
Как он погиб: верно, сам утонул он, резвясь у болота,
В плаваньи нам подражая. А эти гнуснейшие мыши
Вздумали ныне меня обвинять. Ну, тем лучше. Изыщем
Способ мы раз навсегда весь их род уничтожить коварный.
Вот что я вам предложу и что кажется мне наилучшим:
В броню себя заковавши, мы сомкнутым строем, все рядом
Станем у края болота, на самом обрывистом месте,
Чтобы, когда устремятся на нас ненавистные мыши,
Каждый ближайшего мог супостата, за шлем ухвативши,
Вместе с оружием грозным, низвергнуть в пучину болота.
Там уже, плавать бессильных, мы быстро их всех перетопим,
Сами же мы, мышебойцы, трофей величавый воздвигнем».
Речью такой убедил он лягушек облечься в доспехи:
Голени прежде всего они листьями мальвы покрыли,
Крепкие панцыри соорудили из свеклы зеленой,
А для щитов подобрали искусно капустные листья.

Вместо копья был тростник у них длинный и остроконечный,
Шлем же вполне заменяла улитки открытой ракушка.
Так на высоком прибрежьи стояли сомкнувшись лягушки,
Копьями все потрясали, и каждый был полон отваги.
Зевс же богов и богинь всех на звездное небо сзывает
И, показав им величье войны и воителей храбрых,
Мощных и многих, на битву огромные копья несущих,
Рати походной кентавров подобно иль гордых гигантов,
С радостным смехом спросил, не желает ли кто за лягушек
Иль за мышей воевать. А Афине промолвил особо:
«Дочка, быть может, притти ты на помощь мышам помышляешь,
Ибо под храмом твоим они пляшут всегда с наслажденьем,
Жиром, тебе приносимым, и вкусною снедью питаясь».
Так посмеялся Кронид, и ему отвечает Афина:
«Нет, мой отец, никогда я мышам на подмогу не стану,
Даже и в лютой беде их: от них претерпела я много:
Масло лампадное лижут и вечно венки мои портят,
И еще горшей обидою сердце мое уязвили:
Новенький плащ мой изгрызли, который сама я, трудяся,
Выткала тонким утком и основу пряла столь усердно.
Дыр понаделали множество, и за заплаты починщик
Плату великую просит, а это богам всего хуже.
Да и за нитки еще я должна, расплатиться же нечем.
Так вот с мышатами... Все ж и лягушкам помочь не желаю:
Не по душе мне их нрав переменчивый, да и недавно,
С битвы когда утомленная я на покой возвращалась,
Кваком своим оглушительным не дали спать мне лягушки.
Глаз из-за них не сомкнувши, я целую ночь протомилась.
И, когда петел запел, поднялась я с больной головою.
Да и зачем вообще помогать нам мышам иль лягушкам:
Острой стрелою, поди, и бессмертного могут поранить.
Бой у них ожесточенный, пощады и богу не будет.
Лучше, пожалуй, нам издали распрей чужой наслаждаться».
Так говорила Афина. И с ней согласились другие.
Тотчас все боги, собравшись, пошли в безопасное место.

Временем тем комары в трубы большие к сраженью
Вражеским станам обоим знак протрубили, а с неба
Зевс загремел громовержец, начало войны знаменуя.
Первым Квакун Сластолиза — тот в первых рядах подвизался —
Метким копьем поражает в самую печень по чреву;
Навзничь упал он, и нежная шерстка его запылилась.
С грохотом страшным скатился, доспехи на нем зазвенели.
Этому вслед Норолаз поражает копьем Грязевого
Прямо в могучую грудь. Отлетела от мертвого тела
Живо душа, и упавшего черная смерть осеняет.
Острой стрелою тут в сердце Свекольник убил Горшколаза.
[В брюхо удар Хлебоеда на смерть Крикуна повергает:
Наземь упал он стремглав, и от тела душа отлетела.
Гибель героя увидев и мщеньем за друга пылая,
Камень схватил Болотняник огромный, на жернов похожий,
В шею метнул Норолазу, в глазах у того потемнело.
Тут уже жалость взяла Травоглода, и дротиком острым
Он упредил нападенье врага. Но и сам поплатился:
Ловко копьем дальнолетным в него размахнулся Облиза,
Меток удар был, под самую печень копье угодило.
И на Капустника, по побережью крутому бежавшего, яро
Ринулся, но, не смутившись, тот сам обратил его в бегство.
В воду злосчастный упал и живой уж не выплыл, багровой
Кровью окрасил болото, и, вздутый, с кишками наружу,
Долго еще труп героя у берега горестно бился.]
Творогоед же от смерти и на берегу не сберегся.
В ужас пришел Мятолюб, когда Жирообжору увидел:
Бросивши щит, он проворно спасается бегством к болоту.
Соня Болотный убил знаменитого Землеподкопа,
[А Водорад поразил беспощадно царя Лизопята,]
Тяжким булыжником череп ему раскроив. Размягченный
Из носу мозг его вытек, и кровью земля обагрилась.
Соне Болотному смерть причинил Блюдолиз безупречный,
Дротик свой бросив, и тьма ему взоры навеки покрыла.
Это увидел Чесночник и, за ноги труп расторопно

Крепкой рукою схвативши, в болото Болотного бросил.
Тут за убитого друга герой Крохобор заступился,
Ранил жестоко Чесночника в печень, под самое чрево.
Тело простерлось бессильно, душа же в Аид отлетела.
Болотолаз то увидев, горсть грязи швырнул в Крохобора:
Тина лицо облепила, он зрения чуть не лишился.
Гневом вспылал Крохобор и, могучей рукой ухвативши
Камень из долу огромный, — земли многолетнее бремя, —
В Болотолаза метнул его яростно. Вся раздробилась
Правая голень его, и, подрубленный, пал он на землю.
Тут и Пискун на него напустился и сильно ударил
В чрево. Проникло в утробу копье глубоко, и как только
Крепкой рукою из брюха копье изволок враг обратно,
Тотчас наружу за ним и все внутренности потянулись.
Видя, что на побережьи от смерти не убережется,
Еле плетясь и измученный страшно, сраженье покинув,
В ров Зерногрыз пробирался, чтоб гибели лютой избегнуть.
В пятку, копье уязвив, поразил Хлебогрыз Вздуломорду
[Позже, хоть раненый тяжко, он вынырнул вновь из болота].
Видя, что дышащий трудно во прахе простерт Вздуломорда,
К первым рядам устремившись, копье в него Луковник бросил,
Но уцелел крепкий щит, и копья острие в нем застряло.
Также и дивный Полынник, в сражениях равный Арею,
Сбросить не смог с головы Вздуломорды тяжелого шлема,
Хоть средь лягушек воинственных витязем первым считался:
Слишком уж много врагов на него устремилось. Пред грозным
Натиском не устоял он и спешно в болоте укрылся.
Был средь мышей еще юный, но храбростью всех превзошедший,
Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскреба.
Из дому вызвавши сына, отец его в бой посылает.
Этот же витязь, с угрозою весь истребить род лягушек,
Гордо вперед выступает, пылая с врагами сразиться.
Тотчас лягушки, объятые ужасом, в бегство пустились.
Силой владея великою, тут бы их всех погубил он,

Если бы зоркий Кронион, отец и бессмертных и смертных,
Гибнущих видя лягушек, к ним жалостью вдруг не проникся
И, головой сокрушенно качая, богам не промолвил:
«Боги! Великое диво я вижу своими глазами.
Скоро, пожалуй, побьет и меня самого сей разбойник,
Что на болоте свирепствует. Впрочем, его успокоим.
Тотчас Афину пошлем или шумного в битвах Арея:
Эти его, хоть отважного, живо от битвы отвадят».
Кроноса сын так промолвил. Арей же ему возражает:
«Ныне, Кронид, уж ни мудрость Афины, ни сила Арея
Лютую смерть отвратить не сумеют от жалких лягушек,
Разве на помощь им все мы направимся, да и оружье,
Коим когда-то сразил Капанея, могучего мужа,
Дерзостного Энкелада и дикое племя гигантов,
Ты и теперь пустишь в ход — перед этим и храбрый смирится».
Только промолвил Арей, громовою молнией грянул
Кроноса грозного сын, — и великий Олимп содрогнулся.
Знаменье страшное в ужас повергло мышей и лягушек,
Все же мышиное войско сражения не прекращало,
Крепко надеясь лягушачий род истребить совершенно,
Что и могло бы случиться, если б с Олимпа Кронион,
Сжалившись, в помощь лягушкам не выслал защитников новых.
Вдруг появились создания странные: кривоклешневы,
В латы закованы, винтообразны, с походкой кривою,
Рот — словно ножницы, кожа — как кости, а плечи лоснятся,
Станом искривлены, спины горбаты, глядят из-под груди,
Рук у них нет, зато восьмеро ног, и к тому двуголовы —
Раками их называют... И тотчас они начинают
Мышьи хвосты отгрызать, заодно уж и ноги и руки.
Струсили жалкие мыши и, копья назад повернувши,
В бегство пустились постыдное... Солнце меж тем закатилось,
И однодневной войне волей Зевса конец наступает.

КОММЕНТАРИИ

ПРИМЕЧАНИЯ *

[1] *Геликон* — высокий горный хребет в южной Беотии; считался излюбленным местом пребывания Аполлона и муз — богинь-вдохновительниц поэзии, искусств и наук. *Хоровод с Геликона* — музы, к которым греческие поэты, в особенности эпические, обычно в начале своего труда обращались с просьбой о вдохновении. Так начинается «Илиада» («Гнев, о богиня, воспой. . .») и «Одиссея» («Муза, скажи мне о том многоопытном муже. . .»).

[3] *С писчей доской* — дощечка, покрытая воском, на которой писали особым грифелем (stylus), один конец которого был острый — для писания, другой — широкий — для растирания воска.

[4] *Арей* (миф.) — бог войны; *дело Арея* — обычная метафора для обозначения войны.

[7] *Гиганты* (миф.) — сыновья Геи, богини земли, от крови оскопленного бога Урана, первого правителя вселенной. Недовольные новым владыкой вселенной, Зевсом, они предприняли войну против него и олимпийских (живших на горе Олимпе, в Фессалии) богов, штурмуя небо обломками скал и стволами деревьев. Но Зевс с олимпийцами, призвав на помощь своего сына героя Геракла, всех их убил. Гиганты изображались в виде огромных сторуких исполинов с чешуйчатыми змеиными хвостами вместо ног, длинными кудрями и бородами и страшными лицами. Судя по тому, что гиганты обитали только в вулканических местностях, так же как и титаны, и что сказания о них представляют собой вариации сказаний о титанах, мы имеем в гигантах образ, дублирующий образ титанов.

[9] В оригинале, собственно, не кошка, а ласка: в то время, к которому может быть отнесена наша поэма, в Греции кошек не было. Самые ранние упоминания о кошках в античной литературе мы имеем у Геродота (II, 66) и у Аристофана («Ахарняне», 844).

[8—23] Диалог Вздуломорды с Крохобором, так же как и диалоги других действующих лиц «Батрахомиомахии», пародирует диалоги героев «Илиады».

[19] *Грязной* (по-гречески Пелей) — явный намек на имя отца величайшего героя Троянской войны Ахилла, сына Пелея и морской богини Фетиды; последней здесь соответствует Гидромедуза — «Водяная владычица».

* Цифра в начале примечания означает номер стиха.

[20] *Эридан* — мифическая река, по Гезиоду (древнейшему, после Гомера, эпическому поэту Греции), впадавшая в Океан; в позднее время Эридан отождествлялся с рекой По в Италии; впрочем, под этим названием Страбон и Павзаний упоминают реку и в Аттике. Указание на берег реки как на место любовного сочетания Грязного (собственно, Болотного) и Гидромедузы («Владычицы вод») сделано не только из соображений, вытекающих из ситуации, но и в целях пародийных: в «Илиаде» богини вод также сочетаются со своими возлюбленными на берегах рек, и об этом рассказано там почти в тех же выражениях (ср. «Илиаду», IV, 475; XIV, 445 и др.).

[39] *Медовые пирожочки* — бескровное жертвоприношение богам. Нередко — за недостатком жертвенных животных — этим лепешкам придавали форму и вид того животного, которое полагалось приносить в жертву: боги относились к этому снисходительно.

[59] *Кронион* (Кронид) — сын Кроноса, Зевс.

[79] Имеется в виду миф о том, что Зевс, превратившись в быка, похитил дочь финикийского царя Агенора — Европу и перевез ее на своем хребте, через море, на остров Крит. Известная латинская пословица: Quod licet Jovi, non licet bovi (что подобает Юпитеру, не подобает быку) — также связана с этим мифом.

[97–98] Предсказание умирающего героя своему убийце близкой гибели — обычный прием у Гомера. Так, Патрокл перед смертью предвещает убившему его Гектору:

Жить, Приамид, и тебе остается недолгое время:
Рок всемогущий и смерть пред тобою стоят уже близко,
Вскоре падешь от руки беспорочного внука Эака.

«Илиада», XVI, 852—854.

[112–119] Пародия на плач троянского царя Приама по Гектору, убитому Ахиллом:

Сколько, жестокий, убил у меня сыновей он цветущих!
Но и печалясь о всех, ни о ком я так горько не плачу,
Как об едином . .

«Илиада», XXII, 423—425.

[116] *Из дерева хитрость* — в оригинале «деревянная хитрость» — несомненный намек на знаменитого деревянного коня, в пустой утробе которого греческие герои были введены в Трою, что и привело к падению города.

[124–131] Как и стихи 161—165, — пародия на многократные и пространные описания облачения героев в «Илиаде».

[136] Жезл в руках — обычная эмблема царской и полководческой власти; у Гомера с жезлом выступают жрецы и ораторы на собраниях; в руках вражеского посла и глашатая жезл имел, примерно, то же значение, что верительные грамоты послов в новое время.

[152] Стереотипная эпическая формула в устах оратора, вносящего на собрании какое-нибудь предложение или совет; многократно встречается у Гомера (см. «Илиаду», IX, 103; XII, 215; XIII, 735 и др.).

[161–65] См. примеч. к ст. 124—131.

[168] *Звездное небо.* В эпической поэзии эпитет обычно прикреплен к определяемому слову, и даже, когда ситуация ему не соответствует, он все же не отпадает; здесь, хотя совещание богов происходит днем, место совещания — небо — имеет определение «звездное». С этим же эпитетом «небо» встречается мно-

гократно и у Гомера, при столь же противоречащих ситуациях (см. «Илиаду», IV, 44; V, 769; VIII, 46; XV, 371; XIX, 128, 130 и «Одиссею», IX, 527; XII, 380; XX, 113).

168–201 Совет богов — пародия на частые собрания богов в «Илиаде», с тем, однако, отличием, что там боги принимают непосредственное участие в земных сражениях (так, Посейдон, Гера, Афина сражаются на стороне ахейцев, Аполлон, Афродита, Арей — на стороне троянцев), в «Батрахомиомахии» же они предпочитают оставаться — по крайней мере, до времени — зрителями. Впрочем, и у Гомера на одном из своих совещаний олимпийцы, по настоянию Зевса, обязуются соблюдать нейтралитет, который, однако, очень скоро нарушают.

171 *Кентавры* — по Гомеру воинственное горное племя в Фессалии; поэт Пиндар (ок. 500 г. до н. э.) представляет их наполовину людьми, наполовину лошадьми. В древнейшем греческом искусстве кентавра изображали в виде полного человека, к телу которого сзади прибавляли тело лошади; в более совершенном позднем искусстве к телу и груди коня прибавляли верхнюю часть человеческого тела: получалось подобие всадника неразрывно слитого с конем. Многие исследователи нового времени, исходя из лошадиной природы кентавров, склонны видеть в них олицетворение рек или бурных горных потоков (в мифологии вообще, и в греческой в частности, образы рек, потоков и лошадей тесно связаны между собой). Но по древнейшим литературным свидетельствам кентавры — просто дикие горные жители; известные нам имена отдельных кентавров (а имена — древнейшее языковое свидетельство) не дают возможности трактовать их только как образы рек.

173 Особое обращение Зевса к Афине объясняется не только тем, что он всегда выделяет ее в сонме богов, как свое самое любимое дитя, но и потому, что Афина отличалась среди олимпийцев исключительной воинственностью («дева-воин») и в троянской войне нередко выступала на поле битвы.

174–196 Диалог Зевса и Афины как нельзя более ярко показывает, что автор «Батрахомиомахии» издевается не только над греческими литературными традициями, но и над религиозными: могущественнейшая богиня Афина, оказывается, не в силах справиться с мышами, которые лижут ее масло, съедают жертвенный жир, портят посвящаемые ей венки и грызут ее плащ. Последнее обстоятельство — самое обидное, так как Афина — богиня-покровительница ткацкого искусства и сама искуснейшая из ткачих; между тем ее собственный плащ оказывается весь в заплатах, да за нитки расплатиться ей нечем. Таковы «дни и труды» богини; по ночам же ей не дают спать своим кваканьем лягушки.

Очень вероятно, что эпизод с изгрызенным плащом Афины представляет собой насмешку над известным местом «Илиады», где описывается, как благочестивые троянки, с царицей Гекубою во главе, преподносят Афине в жертвенный дар самое пышное из бывших в Трое покрывал («Илиада», VI, 293—309).

177 *Кронид* — см. примеч. к ст. 59.

195 По античным представлениям боги, хотя и бессмертны, но не застрахованы от болезней и ран: так, в «Илиаде» повествуется, что в битвах под Троей были ранены Арей и Афродита. На это и намекает рассудительная Афина, предлагая богам не вмешиваться в чужие распри.

[202–260] У Гомера битва всегда изображается не как столкновение масс, а как ряд поединков отдельных героев. Этот прием применяет и автор «Батрахомиомахии», что дает ему возможность остро пародировать соответствующие сцены у Гомера. Смешные имена героев и ничтожность всего предприятия, о котором поэт повествует, употребляя при этом торжественные эпические формулы из «Илиады», еще более усиливают комизм.

[205] Стих целиком гомеровский, представляющий собой стандартную эпическую формулу (см. «Илиаду», IV, 504; V, 42, 540; XIII, 187; XVII, 50, 311 и «Одиссею», XXIV, 525). Отметим, что во всех указанных местах у Гомера один и тот же стих, но Минский, в отличие от Гнедича, в своем переводе «Илиады» без всяких оснований переводит его различно, стирая стандартность эпической формулировки.

[213] Подобными жерновидными камнями перебрасываются на поле битвы и герои «Илиады» (VII, 270; XII, 161).

[237] *Аид* («Не-видимый») — название бога подземного царства; отсюда Аидом стало называться и само подземное царство, — место, где, согласно древнегреческим верованиям, умершие пребывают в виде бесплотных теней.

Душа в Аид отлетела — обычная у Гомера метафора смерти.

[268] *Отец и бессмертных и смертных* (в оригинале — «богов и людей»)—обычное наименование Зевса не только потому, что он своими бесчисленными сочетаниями с богинями и смертными женщинами породил множество богов и людей, но еще и потому, что как верховный владыка вселенной он всех опекает и «отечески» над всеми властвует. Весь стих целиком заимствован у Гомера (см. «Илиаду», VIII, 132).

[270] Гомеровский Зевс нередко сопровождает свои слова двумя выразительными мимическими знаками: движением бровей и качанием головы; последний знак обычно выражает у него неодобрение совершающемуся.

[271] Стих из «Илиады», см. XIII, 99; XV, 286; XX, 344; XXI, 54.

[280] *Капаней* (миф.) — один из семи героев, предпринявших первый поход на Фивы (см. трагедию Эсхила «Семеро проти Фив»). При штурме Фив, Капаней, взобравшись на стену, горделиво воскликнул, что отсюда его даже громы Зевса не сгонят. Зевс сжег его молнией.

[281] *Энкелад* — один из гигантов (см. примеч. к ст. 7). Предложение Афины Зевсу — свои громы, коими некогда он сражался с титанами и гигантами, применить против мышей, — звучит неприкрытой насмешкой, тем более язвительной, что громы эти не устрашают мышей и что Зевс, оставив свои бессильные перуны, вынужден обратиться за помощью к ракам.

[284] *Великий Олимп содрогнулся* — гомеровская формула (см. «Илиаду», I, 530).

[290–295] Описание раков, данное в виде целого ряда эпитетов с разъяснением, к кому эпитеты относятся, лишь под конец, по своей форме является как бы народной загадкой. Весь отрывок резко отличается по стилю и тону от всей поэмы: в основании его лежит не литературная традиция, а мотив фольклорного порядка. Ср. русские пословицы-загадки о раках: «два рога, а не

бык, шесть ног без копыт», «по ножницам — зверь портной, по щетине — зверь чеботарь», «криво рак выступает, да иначе не знает» и др. (см. «Толковый словарь русского языка» Даля, изд. 1882, т. IV, стр. 55).

[299] Закат солнца у Гомера прерывает ожесточенный бой. Конец «Батрахомиомахии» перекликается с так называемым «прерванным боем» VIII песни «Илиады».

ОБЗОР РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ
«войны мышей и лягушек»

1. [Копиевский Илья.] Притчи Эссоповы, на латинском и русском языке, их же Авиении стихами изобрази, совокупно же брань жаб и мышей Гомером древле описана со изрядными в обеих книгах лицами и с толкованием. В Амстердаме напечатася у Ивана Андреева Тесинга лета 1700.

Перевод сделан прозой, крайне невразумителен и изобилует пропусками, что уже вынужден был констатировать Василий Рубан (см. № 2), который в предисловии к новому переводу писал о своем предшественнике: «Копиевский или не имел у себя исправного памятника, либо, намерившись перевесть сокращенно, самые лучшие красоты стихотворного слова в переводе пропустил и, мешая с польским словенское наречие, так помрачил смысл, что разве того времени читатели разуметь его могли, но нашего века людям не только темно и скучно, но и невразумительно кажется» (В. Рубан. К читателю от переводчика предведомление).

2. Омирова Батрахомиомахия, то есть война мышей и лягушек, забавная поэма. На российский язык переведена Васильем Рубаном. СПб. 1772. Вторым тисненнем с гравир. на меди рисунком 1788. Изд. Росс. Акад.

Перевод прозаический, сделан, повидимому, не с оригинала, а с латинского (отсюда латинизированные имена богов), местами приближается к пересказу. Подстрочные пояснения и примечания наивны даже для своего времени.

3. Огинский Алексей. Омирова брань лягушек и мышей; пер. с греческого СПб., 1812.

Перевод прозаический; достоинство его в том, что это первый русский перевод непосредственно с подлинника. Переводчик хорошо владел греческим языком и в свое время был полезным деятелем по популяризации античности в России; кроме «Батрахомиомахии» им переведены Гезиод, 4-я книга «Истории» Геродота, одна речь Демосфена и др.; ему принадлежит также краткий греко-русский словарь.

4. Вилламов. Отрывок из Батрахомиомахии, «Московский Телеграф», 1826, ч. IX, отд. 1, стр. 108—111.

Отрывок состоит из 55 стихов. Перевод архаичен до невразумительности, изобилует стихами вроде:

Так тебя непщую великого, храброго быти...

и гекзаметрами типа:

Сиречь кот и ястреб, злодеи которые оба...

Хотя перевод сделан с греческого, собственные имена латинизированы.

5. Телегин, штабс-капитан. Омирова Батрахомиомахия, или война лягушек и мышей, переложенная в стихи, М., 1845 (Прибавл. к Журн. мин. нар. просвещения за 1845 г.).

Этот развязно-армейский перевод встретил во всей повременной печати единогласную оценку. «Отечественные Записки» писали: «Ирои-комическая поэма, приписываемая Гомеру, нашла в нем (Телегине) переводчика — какого? Судите сами по следующему десятистишию к читателям:

Две тысячи восемьсот уж лет
Прошло Омирову творенью,
Теперь Омира в свете нет,
И нет его нам к утешенью (?).
Поэм забавных мало пишут,
Одной моралью только дышут:
А он лягушек да мышей
Копьевской кою нам доставил
И в прозе их Рубанов славил,
Но я в стихах пишу тварей.

Прибавить к этой декларации, кажется, нечего...» («Отеч. Записки», 1845, № 9, т. 42, отд. VI, стр. 18). Аналогично расценивал этот перевод и П. А. Плетнев в «Современнике»: «Переводчик с первых стихов своих принял такой тон, что можно о переводе его и совсем не говорить, как о литературном исследовании» («Современник», 1845, т. 40, стр. 106).

6. Воскресенский В. А. Война мышей и лягушек. Забавная поэма Гомера; переложение, СПб., 1880.

Переложение написано в стихах, но сделано не с подлинника, а с прозаических переводов Рубана (см. выше № 2) и Огинского (см. № 3); ряд мест подлинника совершенно отсутствует, другие произвольно изменены, о чем, впрочем, и сам Воскресенский предуведомляет читателей в предисловии.

7. Краузе В. М. Война мышей и лягушек. Поэма (приписываемая Гомеру) Пигереса. Перевод размером подлинника, Омск, 1884.

Краузе — филолог-классик, обнаруживает знание греческого подлинника, но, видимо, принадлежит к тем анекдотическим педагогам из плеяды катково-леонтьевских «насадителей» классицизма, которые, несмотря на свое многолетнее пребывание в России, так и не научились русскому языку. Не говоря уже о варварских ударениях, вроде «о́тцу», «пагу́ба» и мы́шам», расстановка слов и конструкция фраз изобличают совершенную неспособность переводчика выразить на русском языке самую элементар-

ную мысль. Под его гекзаметрами вряд ли дал бы свою подпись и Тредьяковский. Вот некоторые из них:

Славный убил «пастернака любителя» «в тине лежень»

или

Храброго сын я отца «грызуна хлебов», а моя мать — та
Дочь «грызуна ветчины» царя, имя «лизунья муки» ей.

Так написана вся поэма. См. рецензию А. К. в «Историческом Вестнике» за 1885 г., т. XXII.

8. Христофоров И. В. Батрахомиомахия или война мышей и лягушек. Журн. мин. нар. просвещения, 1886, № 8, стр. 66—79.

Из всех прежних переводов «Батрахомиомахии» этот — самый удачный. Он верно передает содержание подлинника и местами поэтичен. Гекзаметры его строго выдержаны, хотя несколько однообразны из-за того, что автор сознательно (это он оговаривает в предисловии) отвергает варьирование дактиля спондеем. Единственное, в чем можно упрекнуть переводчика, — это в том, что в одном случае он отступил от подлинника, заменив латы мышей из шкурок ласки латами из рыбьей чешуи; это отступление от подлинника мотивировано тем, что новый вариант «ближе к действительности и поэтичнее». С подобными «исправлениями» оригинала согласиться, конечно, нельзя. В остальном перевод вполне точен, и следует пожалеть, что, помещенный в мало популярном ведомственном журнале, он не получил той известности, которую в свое время заслуживал.

СОДЕРЖАНИЕ

*Редактор Д. А. Горбов.
Художественная редакция
М. И. Сокольников.
Технический редактор
Н. И. Филиппов.
Наблюдение на производстве
Г. А. Батков.*

*

*Сдана в набор 29.XII.1935.
Подписана к печати 27.III.
1936. Вышла в свет V.1936.
Тираж 10 500. Уполномочен-
ный Главлита № Б-12006.
Индекс А-1. Издат. № 190.
Уч. авт. л. 2,00. Бумага
72×109 в 1/16. (32000 тип.
зн. в 1 бум. л.). Бум. л. 1,5
1 вклейка. Зак. № 315.*

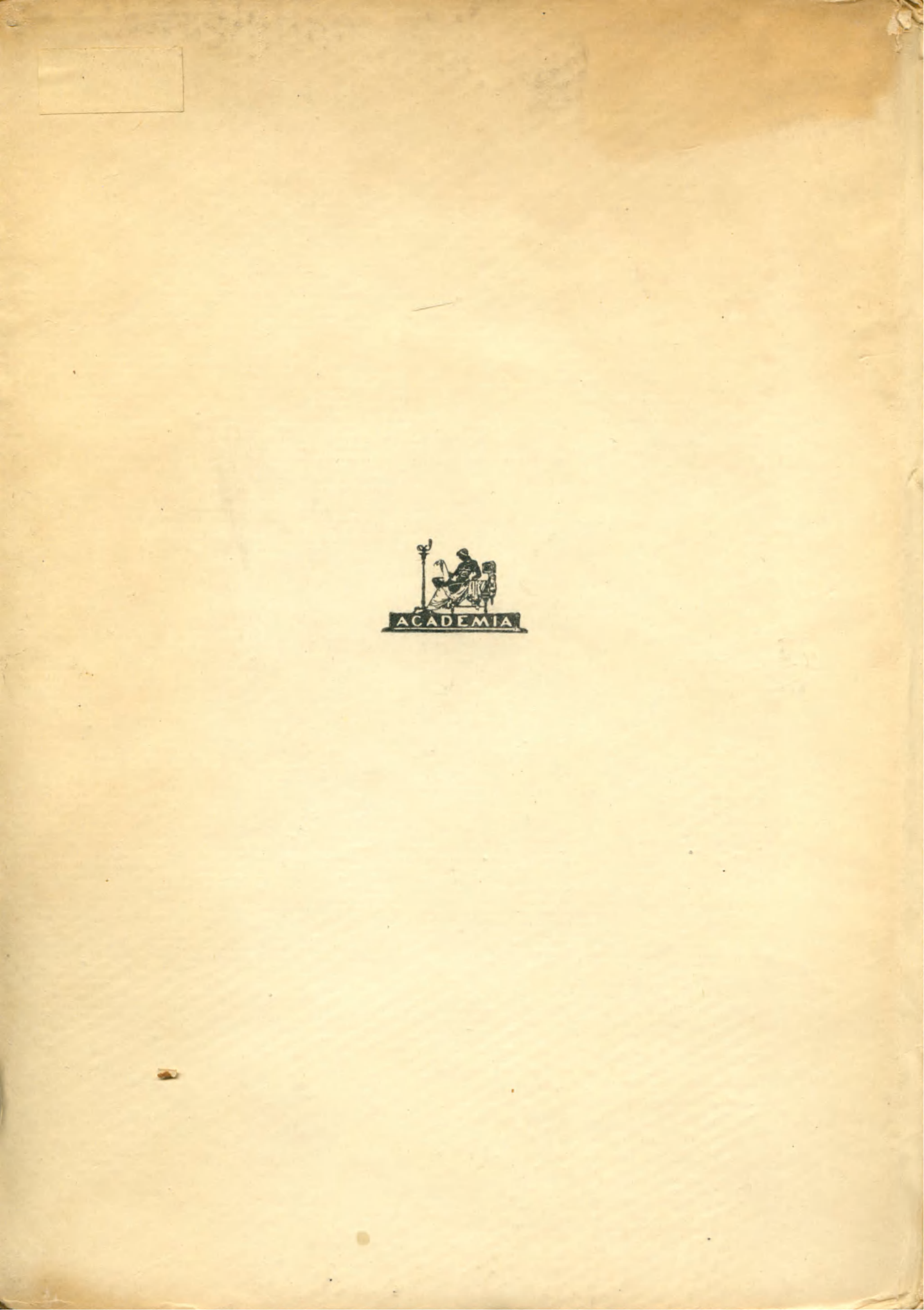
*

*Отпечатано во 2-й типо-
графии «Печатный Двор»
треста «Полиграфкнига»
Ленинград. Гатчинская, 26.*

*Переплет 1 р. 50 к.
Цена 2 руб.*

ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
X	3 сн.	Свид	Свида
XII	5 сн.	Мордоний	Марданий
XIII	5 сн.	Архиловский	Архилоховский
5	15 сн.	пятнает!	пятнает!»
17	11 сн.	да	да и
20	15 св.	предведомление	предуведомление
22	2 сн.	извстности	известности
23	3 св.	мышеи	мышей

ACADEMIA

Вышли из печати:

ГОРАЦИЙ

Избранная лирика

СОФОКЛ

Трагедии, т. I

МЕНАНДР

Комедии

Выходят из печати:

ЭСХИЛ

Трагедии

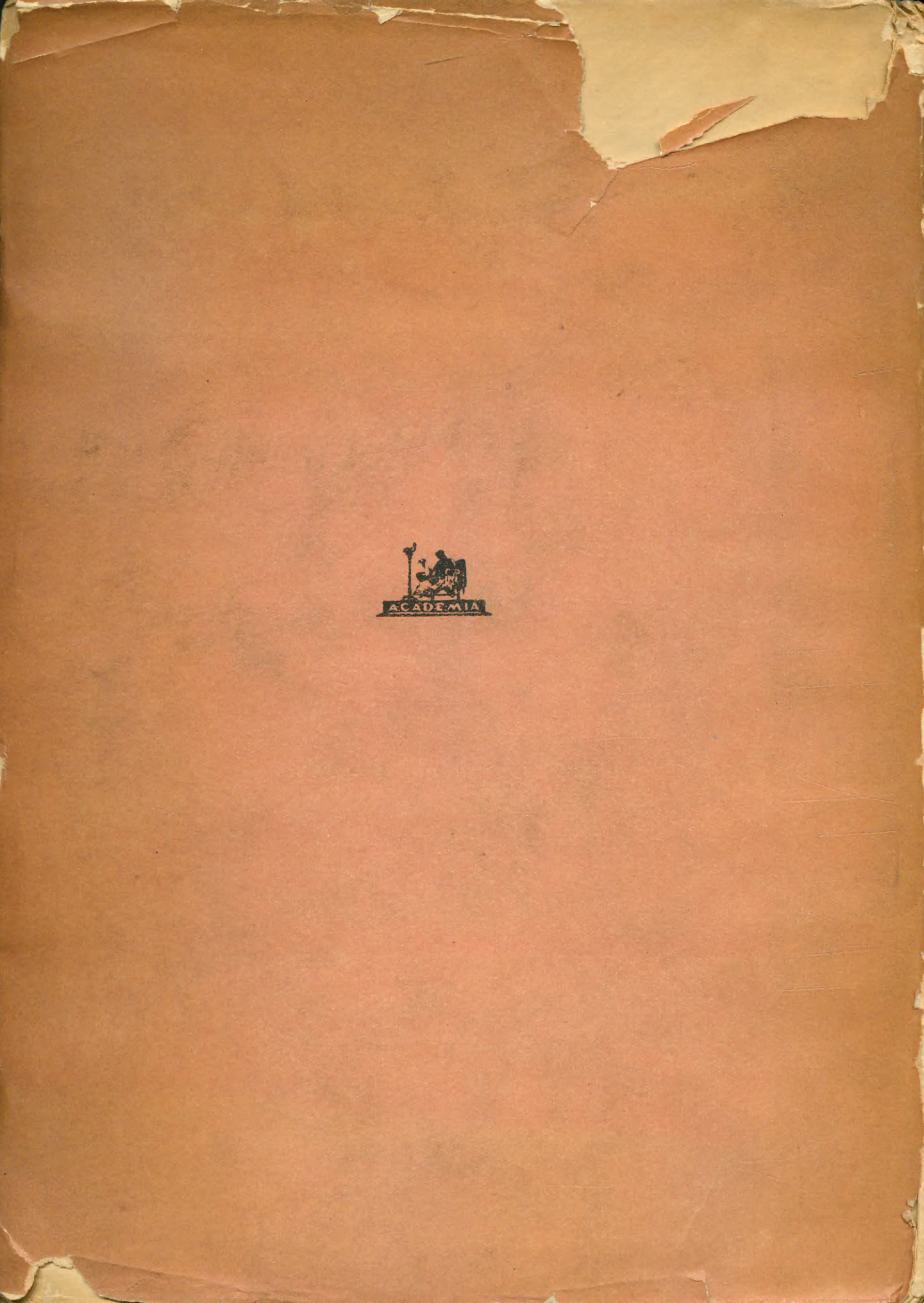
ПЛАВТ

Комедии, т. III

ОВИДИЙ

Метаморфозы

ACADEMIA
Москва, Б. Вузовский пер., 1
Ленинград, Пр. 25 Октября, 28
Дом Книги

ACADEMIA